

Письма Чехова к женщинам

О. Л. Книппер
В. Ф. Комиссаржевская
Л. С. Мизинова • Л. В. Авилова
М. В. Киселева
Т. Л. Щеткина-Куперник

Антон Павлович Чехов
Письма Чехова к женщинам
Серия «Любовные
письма великих людей»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5806161
Письма Чехова к женщинам : АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077686-3

Аннотация

Письма Чехова к женщинам занимают особое место в творческом наследии писателя. Его адресатами были те, кого он любил: Ольга Книппер и Лика Мизинова, а также многие выдающиеся женщины эпохи. Ироничные и теплые, язвительные и деликатные, коротенькие записки и подробные рассуждения открывают «классика русской литературы» с совершенно неожиданной стороны.

Содержание

Мария Владимировна Киселева	4
Елена Михайловна Шаврова	20
Лидия Алексеевна Авилова	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Письма Чехова к женщинам

Мария Владимировна Киселева

Киселева Мария Владимировна (ум. в 1921 г.) – владелица усадьбы Бабкино под Москвой, где семья Чеховых проводила лето в 1885–1887 гг., детская писательница, сотрудничала в журналах «Детский отдых», «Родник» и др.

21 сентября 1886 г., Москва

Чтобы иметь право сидеть у себя в комнате, а не с гостями, спешу усесться за писанье. На очереди – письмо к Вам, многоуважаемая и добрая Мария Владимировна. Представьте: Яшенька и Яденька пришли! Если найдете в этом письме каракули, то знайте, что Яшенька помешала, чтоб ей Мерлитон¹ приснился!

Прежде всего большое Вам спасибо за выписки из «Русской мысли». Я читал и думал «Благодарю тебя, боже, что на Руси еще не перевелись великие писатели!» Да, не оскудевает наша родина... Из письма Вашего к сестре я усматриваю,

¹ Мерлитон – один из персонажей шуточной сказки Чехова «Сапоги всмятку», написанной им для детей Киселевых летом 1886 г.

что и Вы начинаете конкурировать по части известности... (Я говорю про Питер и образцы рассказов по мифологии.) Что ж, помогай бог! Литература – не ерши, а потому я не завидую...

Впрочем, не велика сладость быть великим писателем. Во-первых, жизнь хмурая... Работы от утра до ночи, а толку мало... Денег – кот наплакал... Не знаю, как у Зола и Щедрина, но у меня угарно и холодно... Папиросы по-прежнему мне подают только в табельные дни. Папиросы невозможные! Нечто тугое, сырое, колбасообразное. Прежде чем закурить, я зажигаю лампу, сушу над ней папиросу и потом уж курю, причем лампа дымит и коптит, папироса трещит и темнеет, я обжигаю пальцы... просто хоть застрелиться в пору!

Денег, повторяю, меньше, чем стихотворного таланта. Получки начнутся только с 1-го октября, а пока хожу на паперть и прошу займы... Работаю, выражаясь языком Сергея, ужасно, тишшесное слово, много! Пишу пьесу для Корша (гм!), повесть для «Русской мысли», рассказы для «Нового времени», «Петербургской газеты», «Осколков», «Будильника» и прочих орга́нов. Пишу много и долго, но мечусь как угорелый: начинаю одно, не кончив другое... Докторскую вывеску не велю вывешивать до сих пор², а все-таки

² В январе 1886 г. умерли от тифа две пациентки Чехова – мать и сестра художника Янова. Смерть их произвела на Чехова такое тяжелое впечатление, что он решил прекратить медицинскую практику. М.П. Чехов сообщает в своих воспоминаниях: «Под сильнейшим впечатлением этого случая он снял вывеску, и

лечить приходится! Бррр...

Боюсь тифа!

Понемножку болею и мало-помалу обращаюсь в стрекозиные мощи. Если я умру раньше Вас, то шкаф благоволите выдать моим прямым наследникам³, которые на его полки положат свои зубы.

Хожу я именинником, но, судя по критическим взглядам, которые пускает на меня конторщица «Будильника», одет я не по последней моде и не с иголки. Езжу не на извозчике, а на конке.

Впрочем, писательство имеет и свои хорошие стороны. Во-первых, по последним известиям, книга моя идет недурно; во-вторых, в октябре у меня будут деньги; в-третьих, я уже понемножку начинаю пожинать лавры: на меня в буфетах тычут пальцами, за мной чуточку ухаживают и угощают бутербродами. Корш поймал меня в своем театре и первым делом вручил мне сезонный билет... Портной Белоусов купил мою книгу, читает ее дома вслух и пророчит мне блестящую будущность. Коллеги доктора при встречах вздыхают, заводят речь о литературе и уверяют, что им опостылела медицина. И т. д.

На Ваш вопрос, заданный сестре: женился ли я? отвечаю: нет, чем и горжусь. Я выше женитьбы! Вдова Хлудова (плю-

больше у него ее не было никогда».

³ Киселева в шутку обещала завещать Чехову свой шкаф, который ему очень нравился.

ющая на пальцы) приехала в Москву. Спасите меня, о неба серафимы!⁴

Теперь о наших общих знакомых... Мать и батька живы и здоровы. Александр живет в Москве. Кокоша там же, где был и до поездки в Бабкино. Иван благоденствует у себя в школе. Ма-Па видается с длинноносой Эфрос, дает в молочной⁵ уроки по 7 коп. за урок и берет у Богемского⁶ уроки по географии, которую дерзает преподавать. Боже, отчего я не преподаю китайского языка? Тетка сватает ее за какого-то Перешивкина, получающего 125 р. Дурочка, не соглашается... Богемский, он же финик, рисует виньетки по 3 руб. за штуку, ухаживает слегка за Яденькой, бывает у Людмилочки, надоедает всему миру философией и спешит съерундить другой рассказ в «Детский отдых». А ргорос:⁷ какое у Вас дурное общество! Политковская, Богемский... Я бы застрелился. Левитан закружился в вихре, Ольга жалеет, что не вышла за Матвея, и т. д. Нелли приехала и голодает. У баронессы родилось дитё. Я рад за отца... Про m-me Сахарову слышно, что она бесконечно счастлива... О, несчастная!

На днях в Эрмитаже, первый раз в жизни, ел устриц... Вкусного мало. Если исключить шабли и лимон, то совсем

⁴ Над Чеховым подшучивали, что вдова известного богача Хлудова – хорошая невеста для него.

⁵ Молочной Чехов шутил называл гимназию Ржевской, родственники которой были владельцами молочной фермы и молочных магазинов.

⁶ Богемский – литературный псевдоним М.П. Чехова.

⁷ Кстати (*франц.*).

противно. Приближается конец письму. Прощайте и поклонитесь Алексею Сергеевичу, Василисе, Сергею и Елизавете Александровне. Еще 6–7 месяцев и – весна! Пора приготовить крючки и верши. Прощайте и верьте лицемеру А. Чехову, когда он говорит, что всей душой предан всей Вашей семье.

Едва я кончил письмо, как звякнул звонок и... я увидел гениального Левитана. Жульническая шапочка, франтовской костюм, истощенный вид... Был он 2 раза на «Аиде», раз на «Русалке», заказал рамы, почти продал этюды... Говорит, что тоска, тоска и тоска...

– Бог знает что дал бы, только побывать бы денька два в Бабкине! – восклицает он, вероятно забыв, как он ныл в последние дни.

Остаюсь Ваш

А. Чехов

14 января 1887 г., Москва

Ваш «Ларька» очень мил, уважаемая Мария Владимировна; есть шероховатости, но краткость и мужская манера рассказа все окупает. Не желая выступать единоличным судьей Вашего детища, я посылаю его для прочтения Суворину, человеку весьма понимающему. Мнение его сообщу Вам своевременно... Теперь же позвольте отгрызнуться на Вашу критику... Даже Ваша похвала «На пути» не смягчила моего ав-

торского гнева, и я спешу отмстить за «Тину»⁸. Берегитесь и, чтобы не упасть в обморок, возьмитесь покрепче за спинку стула. Ну, начинаю...

Каждую критическую статью, даже ругательно-несправедливую, обыкновенно встречают молчаливым поклоном – таков литературный этикет... Отвечать не принято, и всех отвечающих справедливо упрекают в чрезмерном самолюбии. Но так как Ваша критика носит характер «беседы вечером на крыльчке бабкинского флигеля или на террасе господского дома, в присутствии Ма-Па, Фальшивого монетчика⁹ и Левитана» и так как она, минуя литературные стороны рассказа, переносит вопрос на общую почву, то я не согрешу про-

⁸ Чехов в конце декабря получил письмо от М.В. Киселевой, в котором она хвалила его рассказ «На пути» и резко критиковала рассказ «Тина»: «Мне лично досадно, что писатель *Вашего сорта*, т. е. не обделенный от бога, – показывает мне только одну «навозную кучу». Грязью, негодьями и негодьями кишит мир, и впечатление, производимое ими, не ново, но зато с какой благодарностью относишься к тому же писателю, который, проведя Вас чрез всю вонь навозной кучи, вдруг вытащит оттуда жемчужное зерно. Вы не близоруки и отлично способны найти это зерно, – зачем же тогда только одна куча? Дайте мне зерно, чтобы в моей памяти ступевалась вся грязь обстановки; от Вас я вправе требовать этого, а других, не умеющих отстоять и найти человека между четвероногими животными, – я и читать не стану... Может быть, лучше бы было промолчать, но мне нестерпимо хотелось ругнуть и Вас и Ваших мерзких редакторов, которые так равнодушно портят Ваш талант. Будь я редактором, – я, для Вашей же пользы, вернула бы Вам этот фельетон... фельетон Ваш все-таки препротивный! Предоставьте писать подобные (по содержанию!) разным нищим духом и обездоленным судьбою писакам, как-то Окрейц, Pince-nez, Алоэ и tutti quanti <Всяким прочим (*итал.*)> бездарностям!»

⁹ Фальшивый монетчик – собака Киселевых.

тив этикета, если позволю себе продолжить нашу беседу.

1) Прежде всего, я так же, как и Вы, не люблю литературы того направления, о котором у нас с Вами идет речь. Как читатель и обыватель я охотно сторонюсь от нее, но если Вы спросите моего честного и искреннего мнения о ней, то я скажу, что вопрос о ее праве на существование еще открыт и не решен никем, хотя Ольга Андреевна и думает, что решила его. У меня, и у Вас, и у критиков всего мира нет никаких прочных данных, чтобы иметь право отрицать эту литературу. Я не знаю, кто прав: Гомер, Шекспир, Лопе де Вега, вообще древние, не боявшиеся рыться в «навозной куче», но бывшие гораздо устойчивее нас в нравственном отношении, или же современные писатели, чопорные на бумаге, но холодно-циничные в душе и в жизни? Я не знаю, у кого плохой вкус: у греков ли, которые не стыдились воспевать любовь такую, какова она есть на самом деле в прекрасной природе, или же у читателей Габорио, Марлита, Пьера Бобо? Подобно вопросам о непротивлении злу, свободе воли и проч., этот вопрос может быть решен только в будущем. Мы же можем только упоминать о нем, решать же его – значит выходить из пределов нашей компетенции. Ссылка на Тургенева и Толстого, избегавших «навозную кучу», не проясняет этого вопроса. Их брезгливость ничего не доказывает: ведь было же раньше них поколение писателей, считавшее грязью не только «негодяев с негодяйками», но даже и описание мужиков и чиновников ниже титулярного. Да и один период, как бы он

ни был цветущ, не дает нам права делать вывод в пользу того или другого направления. Ссылка на развращающее влияние названного направления тоже не решает вопроса. Все на этом свете относительно и приблизительно. Есть люди, которых развратит даже детская литература, которые с особенным удовольствием прочитывают в псалтыри и в притчах Соломона пикантные местечки, есть же и такие, которые, чем больше знакомятся с житейскою грязью, тем становятся чище. Публицисты, юристы и врачи, посвященные во все тайны человеческого греха, неизвестны за безнравственных; писатели-реалисты чаще всего бывают нравственные архимандритов. Да и в конце концов никакая литература не может своим цинизмом перещеголять действительную жизнь; одною рюмкою Вы не напоите пьяным того, кто уже выпил целую бочку.

2) Что мир «кишит негодьями и негодяйками», это правда. Человеческая природа несовершенна, а потому странно было бы видеть на земле одних только праведников. Думать же, что на обязанности литературы лежит выкапывать из кучи негодяев «зерно», значит отрицать самое литературу. Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение – правда безусловная и честная. Суживать ее функции такую специальностью, как добывание «зерен», также для нее смертельно, как если бы Вы заставили Левитана рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры

и пожелтевшей листвы. Я согласен, «зерно» – хорошая штука, но ведь литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью; взявшись за гуж, он не должен говорить, что не дюж, и, как ему ни жутко, он обязан бороться свою брезгливость, марать свое воображение грязью жизни... Он то же, что и всякий простой корреспондент. Что бы Вы сказали, если бы корреспондент из чувства брезгливости или из желания доставить удовольствие читателям описывал бы одних только честных городских голов, возвышенных барынь и добродетельных железнодорожников?

Для химиков на земле нет ничего нечистого. Литератор должен быть так же объективен, как химик; он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые.

3) Литераторы – сыны века своего, а потому, как и вся прочая публика, должны подчиняться внешним условиям общежития. Так, они должны быть безусловно приличны. Только это мы и имеем право требовать от реалистов. Впрочем, против исполнения и формы «Тины» Вы ничего не говорите... Стало быть, я был приличен.

4) Я, каюсь, редко беседую со своею совестью, когда пишу. Объясняется это привычкою и мелкостью работы. А посему, когда я излагаю то или другое мнение о литературе, себя в расчет я не беру.

5) Вы пишете: «Будь я редактором, я для Вашей же пользы вернула бы Вам этот фельетон». Отчего же не идти и далее? Отчего не взять на цугундер и самих редакторов, печатающих такие рассказы? Почему бы не объявить строгий выговор и Главному управлению по делам печати, не запрещающему безнравственных газет?

Плачевна была бы судьба литературы (большой и мелкой), если бы ее отдали на произвол личных взглядов. Это раз. Во-вторых, нет той полиции, которая считала бы себя компетентной в делах литературы. Я согласен, без обуздывания и палки нельзя, ибо и в литературу заползают шулера, но, как ни думайте, лучшей полиции не изобретете для литературы, как критика и собственная совесть авторов. Ведь с сотворения мира изобретают, но лучшего ничего не изобрели...

Вы вот желали бы, чтобы я потерпел убытку на 115 рублей и чтобы редактор учинил мне конфуз. Другие, в том числе и Ваш отец, в восторге от рассказа. Четвертые шлюют Суворину ругательные письма, понося всячески и газету, и меня, и т. д. Кто же прав? Кто истинный судья?

6) Далее Вы пишете: «Предоставьте писать подобное разным нищим духом и обездоленным судьбою писакам, как-то: Окрейц, Pince-nez, Aloe...» Да простит Вам аллах, если Вы искренно писали эти строки! Снисходительно-презрительный тон по отношению к маленьким людям за то только, что они маленькие, не делает чести человеческому сердцу. В литературе маленькие чины так же необходимы, как и в

армии, – так говорит голова, а сердце должно говорить еще больше...

Уф! Утомил я Вас своей тянучкой... Если б знал, что критика выйдет такой длинной, не стал бы писать... Простите, пожалуйста!

Мы приедем. Хотели ехать 5-го, но... помешал съезд врачей; засим помешал Татьянин день, а 17-го у нас вечер; «он» именинник!! Блистательный бал с жидовками, индейками и Яшеньками. После 17-го назначим день для поездки в Бабыно.

Вы читали мое «На пути»... Ну как Вам нравится моя храбрость? Пишу об «умном» и не боюсь. В Питере произвел трескучий фурор. Несколько ранее трактовал о «непротивлении злу» и тоже удивил публику. В новогодних нумерах все газеты поднесли мне комплимент, а в декабрьской книге «Русского богатства», где печатается Лев Толстой, есть статья Оболенского (два печатных листа) под заглавием «Чехов и Короленко». Малый восторгается мной и доказывает, что я больше художник, чем Короленко... Вероятно, он врет, но все-таки я начинаю чувствовать за собой одну заслугу: я единственный, не печатавший в толстых журналах, писавший газетную дрянь, завоевал внимание вислоухих критиков – такого примера еще не было... «Наблюдатель» выругал меня – и досталось же ему за это! В конце 86-го года я чувствовал себя костью, которую бросили собакам...

Пьеса Владимира Петровича печатается в «Театральной

библиотеке»¹⁰, откуда будет разослана по всем большим городам.

Я написал пьесу на 4-х четвертушках¹¹. Игратья она будет 15–20 минут. Самая маленькая драма во всем мире. Играть в ней будет известный Давыдов, служащий теперь у Корша. Печатается она в «Сезоне», а посему всюду разойдется. Вообще маленькие вещи гораздо лучше писать, чем большие: претензий мало, а успех есть... что же еще нужно? Драму свою писал я 1 час и 5 минут. Начал другую, но не кончил, ибо некогда.

Алексею Сергеевичу напишу, когда он вернется из Волоколамска... Поклон всем нижайший. Вы, конечно, простите, что я пишу Вам такое длинное письмо. Рука разбежалась...

Поздравляю Сашу и Сергея с Новым годом.

Получает Сережа «Вокруг света»?

Преданный и уважающий

А. Чехов.

17 марта 1887 г., Москва

Многоуважаемая Мария Владимировна!

Надеюсь, что теперь Вы поверите мне и не станете обвинять во лжи: не приехал я в Бабкино, ибо ездил в Питер, куда был вызван телеграммой брата. Подробности Вам известны

¹⁰ Пьеса В.П. Бегичева (отца М.В. Киселевой) «Жар-птица» напечатана в «Тетрадной библиотеке» С.Ф. Рассохина.

¹¹ «Лебединая песня (Калхас)».

от сестры. То же самое, но только в миниатюре, не пустило меня в Бабкино и на масленой: заболела мать семейства, которую я не решился оставить без доктора. Впрочем, все это суета сует.

Как ни тосклива была моя последняя поездка в Петербург, но и на ней оправдалась поговорка, что нет худа без добра. Во 1-х) я имел случай беседовать с управляющим «Петербургской мастерской учебных пособий» о Вашем издании; ему Вы пошлете на комиссию с моим письмом. Кстати: когда начнет печататься Ваша книга? Чем раньше, тем лучше. Книги вообще идут не сразу, а измором, через час по столовой ложке, а потому, чем раньше издадите, тем скорее продадите. Во 2-х) я ограбил Суворина, взяв у него большущий аванс; в 3-х) Суворин издает мои нововременские рассказы отдельной книжкой. Все мои Верочки, Ведьмы, Агафьи и проч. едут завтра в Питер, а дня через 2–3–4 будут уже в наборе. Издание на весьма выгодных условиях. Успех, конечно, несомненный, ибо в Питере признают теперь только одного писателя – меня! Видите, я даже перед собой лицемерю.

Петербург произвел на меня впечатление города смерти. Въехал я в него с напуганным воображением, встретил на пути два гроба, а у братца застал тиф. От тифа поехал к Лейкину и узнал, что «только что» лейкинский швейцар на ходу умер от брюшного тифа. От Лейкина поехал к Голике: у этого старший сын болен крупом и дышит не горлом, а в трубочку; отец и мать плачут... Еду на выставку, так, как назло,

попадают все дамы в трауре.

Но все это пустяки. Вы послушайте, что дальше. Приезжаю я к Григоровичу. Старичина поцеловал меня в лоб, обнял, заплакал от умиления, и... от волнения у него приключился жесточайший припадок грудной жабы. Он невыносимо страдал, метался, стонал, а я 2 ½ часа сидел возле него, браня во все лопатки свою бессильную медицину. К счастью, приехал Бертенсон, и я мог бежать. Старик серьезно болен и, вероятно, скоро умрет. Для меня это незаменимая потеря. С собой я привез его письмо, которое он начал писать ко мне: описывает подробно свою болезнь и проч.

Каковы впечатления? Право, запить можно. Впрочем, говорят, для беллетристов все полезно.

Однако мое письмо отвратительно и скучно. Прекращаю бесчинство и остаюсь уважающим и искренно преданным

А. Чеховым.

Василиса и Сережа, мое Вам почтение-с!

1 апреля 1891 г., Рим

Римский папа поручил мне поздравить Вас с ангелом и пожелать Вам столько же денег, сколько у него комнат. А у него одиннадцать тысяч комнат! Шатаюсь по Ватикану, я зачах от утомления, а когда вернулся домой, то мне казалось, что мои ноги сделаны из ваты.

Я обедаю за table d'hôte¹². Можете себе представить,

¹² Общим столом (франц.).

против меня сидят две голландочки: одна похожа на пушкинскую Татьяну, а другая на сестру ее Ольгу. Я смотрю на обеих в продолжение всего обеда и воображаю чистенький беленький домик с башенкой, отличное масло, превосходный голландский сыр, голландские сельди, благообразного пастора, степенного учителя... и хочется мне жениться на голландочке, и хочется, чтобы меня вместе с нею нарисовали на подносе около чистенького домика.

Видел я все и лазил всюду, куда приказывали. Давали нюхать – нюхал. Но пока чувствую одно только утомление и желание поестъ щей с гречневой кашей. Венеция меня очаровала, свела с ума, а когда выехал из нее, наступили Бэдекер и дурная погода.

До свидания, Мария Владимировна, да хранит Вас господь бог. Низжайший поклон от меня и от римского папы его высококородию¹³, Василисе и Елизавете Александровне.

Удивительно здесь дешевы галстуки. Ужасно дешевы, так что их даже я, пожалуй, начну есть. Франк за пару.

Завтра еду в Неаполь. Пожелайте, чтобы я встретился там с красивой русской дамой, по возможности вдовой или разведенной женой.

В путеводителях сказано, что в путешествии по Италии роман непременно условие. Что ж, черт с ним, я на все согласен. Роман так роман.

Не забывайте многогрешного, искренно Вам преданного

¹³ А. С. Киселеву.

и уважающего

А. Чехова.

Почтение гг. скворцам.

Елена Михайловна Шаврова

Шаврова Елена Михайловна (1874–1937) – писательница. Печаталась под псевдонимом Е. Шастунов, Е. Шавров, Е. Ш. и Е. М. Ш. Познакомилась с Чеховым в 1889 г. в Крыму. Чехов редактировал рассказы Шавровой, давал ей литературные советы, содействовал помещению ее рассказов в «Новом времени», «Русской мысли», «Артисте» и др. изданиях.

4 декабря 1894 г., Мелихово

Исполняю Ваше желание: посылаю фотографию работы Асикритова – лучшей у меня нет.

Буду теперь ждать Вашего портрета. Если пошлете его заказным письмом, то адресуйте в редакцию «Русской мысли».

Я совершенно здоров. В январской книжке «Русской мысли» будет моя повесть – «Три года». Замысел был один, а вышло что-то другое, довольно вялое и не шелковое, как я хотел, а батистовое. Вы экспрессионистка, Вам не понравится.

Надоело все одно и то же, хочется про чертей писать, про страшных, вулканических женщин, про колдунов, но увы! требуют благонамеренных повестей и рассказов из жизни Иванов Гаврилычей и их супруг.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

28 апреля 1896 г., Мелихово

Никша, Тополев, Кошеварова и проч. и проч.¹⁴ – ведь все это *mouches volantes*¹⁵, мешающие ясно видеть. На чердак их!! Я отправил бы туда же барышню Горленко, которая иначе не представляется мне, как с пуговкой вместо носа. Заняться одной семьей Мессеров – разве это не благодарная, не приятная задача? А Мусенька, если допустить, что на Кавказе она не была жертвой случайности, а увлеклась серьезно, и если не бросать ее к концу рассказа – разве это не интересное лицо? Ох, не загромождайте! Говорил Вам – не загромождайте Ваших рассказов!

Степочка живое лицо, но написан несколько трафаретно. Я бы сделал его порядочным человеком, и тогда бы резче выражалась его предрассудочность.

Бррр! Холодно чертовски. Дует лютый норд-ост. А вина нет, нечего пить. В одном заштатном городе полицейский надзиратель сказал мне: «Хорош наш город, только любить здесь нечего!» Так и я скажу: хорошо в деревне жить, только в дурную погоду пить нечего!

Завтра поеду в Москву, повезу с собой Ваш рассказ. Быть может, успею еще раз прочесть. Из него бы маленький роман сделать. Как Вы думаете?

Желаю Вам всего хорошего. Холодно!!!

¹⁴ Персонажи рассказа Е. М. Шавровой, присланного Чехову на отзыв.

¹⁵ Мелькающие мошки (*франц.*).

Ваш cher maitre

А. Чехов.

За оттиск и за Елизавет Воробья кланяюсь в ножки. У нас уже открыто почтовое отделение, можно посылать заказные письма, адрес такой: Лопасня, Моск. губерн.

2 декабря 1896 г., Мелихово

Многоуважаемая коллега! Вы пишете, что хотите славы гораздо больше, чем любви; а я наоборот: хочу любви гораздо больше, чем славы. Впрочем, это дело вкуса. Кто любит попу, а кто попову наймичку.

Возвращаю Вам святочный рассказ. Мне кажется, ввиду святочности, следовало бы сделать его несколько живее. Доктор и Катя все время как-то киснут около елки. Вот Вы собираетесь написать огромный роман, где «будет одна любовь, взятая со всех сторон и во всех видах». Так нельзя ли один вид какой-нибудь уделить доктору и Кате. А то их любовь не имеет ни сторон, ни вида.

Когда начнете писать роман? Буду ждать.

Я пошел со своими часами к Буре, хотел отдать в починку. Буре заглянул в часы и, повертев их в руках, улыбнувшись, сказал сладковатым голосом: – Вы, месье, забыли их завести...

Я завел, – и часы опять пошли. Так иногда причину своих бедствий ищешь в мелочах, забыв о главном.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш верный *cher maitre*

А. Чехов.

17 мая 1897 г., Мелихово

Многоуважаемая коллега! Дня 2–3 назад я послал Вам рукопись¹⁶, а теперь в расчете, что Вы уже вернулись в Москву, посылаю письмо. Степочка, Мусенька, Горленко для меня не новы, они уже встречались в одной из прежних рукописей, но тем не менее все-таки Вашу повесть я прочел с большим удовольствием. Вы заметно мужаете и крепнете и с каждым разом пишете все лучше и лучше. Повесть мне понравилась вся, кроме финала, который показался мне немного жидковатым и где Степочка теряет свое благодущие и превращается в *Bel-Ami*¹⁷.

Впрочем, сие дело вкуса, сие неважно. Если говорить о недостатках, то придирааться к мелочам не следует. Недостаток у Вас один, крупный, по-моему, недостаток, это то, что Вы не отделяете, отчего Ваши вещи местами кажутся растянутыми, загроможденными, в них нет той компактности, которая делает живыми короткие вещи. В Ваших повестях есть ум, есть талант, есть беллетристика, но недостаточно искусства. Вы правильно лепите фигуру, но не пластично. Вы

¹⁶ Рукопись повести Е. М. Шавровой.

¹⁷ Милого друга (*франц.*).

не хотите или ленитесь удалить резцом все лишнее. Ведь сделать из мрамора лицо, это значит удалить из этого куска то, что не есть лицо.

Точно ли я выражаюсь? Понятно? Есть 2–3 неловких выражения, которые я подчеркнул. Попы ни во всенощной, ни в обедне не читают апостола. «Страсть к графомании» не годится, потому что само слово «графомания» содержит уже в себе понятие – страсть. И т. д. и т. д.

Ездил экзаменовать мальчишек¹⁸, приехал и чувствую себя разбитым, как Геркулес после одного из своих самых пикантных подвигов. Курсистка бы сказала: околеваю!

Писать больше, извините, не могу. Выбор пьес одобряю. «Перчатка»¹⁹ весьма подходит для Серпухова, ибо Вас придут смотреть интеллигенты

Желаю Вам всего хорошего.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов

Насчет повести надо бы поговорить.

Хорошая вещь.

19 января 1898 г., Ницца

¹⁸ Чехов присутствовал на экзамене в Чирковской школе, где он был попечителем.

¹⁹ Пьеса Бьернстерне-Бьернсона. Шаврова предлагала ее поставить в Серпухове.

Многоуважаемая Коллега.

«Гипнотизер» – это хорошенький рассказ;²⁰ только жаль, что первая половина его несколько растянута в ущерб второй, и жаль, что Вы ничего не сделали из Жени, которая является лишним колесом в часах; она не нужна и мешает. Младших провизоров нет. Вот должности: провизор, помощник провизора, аптекарский помощник. Все вместе они называются фармацевтами. Доктор бывает хозяином аптеки, но очень, очень редко.

В заглавии «Идеал» слышится что-то мармеладное. Во всяком случае, это не русское слово и в заглавия не годится.

Перед тем как посылать в «Ниву» рассказ, сообщите мне название этого рассказа, и я тотчас же напишу в «Ниву». Ваше поздравление опоздало на два дня, но все же я тронут и польщен. Mercî! 17-го я был в Монте-Карло, но 500 тыс. не выиграл; и никогда не выиграю, так как играть не умею и утомляюсь скоро в игорной зале. А вот если бы я не был хохол, если бы я писал ежедневно хотя бы по два часа в день, то у меня уже давно бы была собственная вилла. Но я хохол, я ленив. Леня приятно опьяняет меня, как эфир, я привык к ней – и потому беден.

Будьте здоровы! Мой кузен писал о Вашей сестре: он в восторге.

Всего Вам хорошего. Au revoir.

²⁰ «Гипнотизер», рассказ Е. М. Шавровой, присланный Чехову в рукописи.

Ваш А. Чехов.

28 ноября 1898 г., Ялта

Многоуважаемая коллега, только что я был у Вашей сестры и пил у нее чай. С бубликами. У нее сидел интересный доктор. Вообще мы живем здесь недурно. Погода теплая, ясная, приятная, и все так вкусно. Только что мне принесли банку меду.

Но все же мне скучно по Москве, скучно, я хотел бы туда, где теперь дурная погода и хорошая толчея, делающая незаметной эту погоду. Я бы хотел быть в Москве, чтобы повидаться со своими добрыми знакомыми, например с Вами; хотел бы побывать в театрах, в ресторанах. Вы согласились бы опять поехать в Серпухов и сыграть в пользу школы. Не правда ли? У меня спячь строится школа (из мною построенных – это третья), и нужно 2 ½ тысячи, хоть в петлю полезай. После спектакля поужинали бы мы на Серпуховском вокзале... Не правда ли? Но увы! Раньше апреля я не попаду в Москву; да и не в Москву, а в деревню, в глушь, на постройку.

Как поживаете? Готов ли Ваш ядовитый «Аспид»? Пришлите-ка мне почитать. У меня нет книг, мне нечего читать, я каменею от скуки – и кончится тем, что брошусь с мола в море или женюсь. Ваша сестра дала мне почитать Гнедича, но оказалось, что я эти рассказы читал уже. Сннани дал читать «Таможенный тариф». Делать нечего, читаю.

Забудьте, что я литератор, пишите ко мне, как к доктору или лучше – как к больному, и совесть Ваша будет покойна, Вы не станете терзаться, что своими письмами отнимаете у великого писателя его столь дорогое время, которое проводит он лежа на постели целый день и глядя в потолок или читая «Таможенный тариф». Жму руку.

Ваш *Antonio*.

Лидия Алексеевна Авилова

Авилова Лидия Алексеевна (1864–1943) – писательница. С Чеховым познакомилась в 1889 г. в Петербурге.

19 марта 1892 г., Мелихово

Уважаемая Лидия Алексеевна, рассказ Ваш, если хотите печататься в иллюстрированных журналах, можно послать в «Север» или во «Всемирн. иллюстрацию». В первом редактирует Вл. Тихонов, во второй, кажется, Ясинский. Оба люди доброжелательные и внимательные.

Ваш рассказ «В дороге» читал. Если бы я был издателем иллюстр. журнала, то напечатал бы у себя этот рассказ с большим удовольствием. Только вот Вам мой читательский совет: когда изображаете горемык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее – это дает чужому горю как бы фон, на котором оно вырисовывается рельефнее. А то у Вас и герои плачут и Вы вздыхаете. Да, будьте холодны.

Впрочем, не слушайте меня, я плохой критик. У меня нет способности ясно формулировать свои критические мысли. Иногда несу такую чепуху, что просто смерть. Если желаете обращаться в иллюстрированные редакции через меня, то я продолжаю быть к Вашим услугам. Только не адресуйте

Ваших рукописей па Лопасню, а то они до лета пролежат в Серпухове вместе с другими заказными письмами и бандеролями, которые давно уже ждут меня там. Заказные письма адресуйте так: г. Алексин, Тульск. губ., М. П. Чехову. Брат бывает у меня каждую неделю – письма в Алексине не залежатся.

Ваше письмо огорчило меня и поставило в тупик. Вы пишете о каких-то «странных вещах», которые я будто бы говорил у Лейкина, затем – просите во имя уважения к женщине не говорить о Вас «в этом духе» и, наконец, даже «за одну эту доверчивость легко обдать грязью»... Что сей сон значит? Я и грязь... Мое достоинство не позволяет мне оправдываться; к тому же обвинения Ваши слишком неясны, чтобы в них можно было разглядеть пункты для самозащиты. Насколько могу понять, дело идет о чьей-нибудь сплетне. Так, что ли? Убедительно прошу Вас (если Вы доверяете мне не меньше, чем сплетникам), не верьте всему тому дурному, что говорят о людях у вас в Петербурге. Или же, если нельзя не верить, то уж верьте всему, не в розницу, а оптом: и моей женитьбе на пяти миллионах, и моим романам с женами моих лучших друзей и т. п. Успокойтесь, бога ради. Если я недостаточно убедителен, то поговорите с Ясинским, который после юбилея вместе со мною был у Лейкина. Помню, оба мы, я и он, долго говорили о том, какие хорошие люди Вы и Ваша сестра... Мы оба были в юбилейном подпитии, но если бы я был пьян как сапожник или сошел с ума, то и тогда бы не

унизился до «этого духа» и «грязи» (поднялась же у Вас рука начертать это словечко!), будучи удержан привычною порядочностью и привязанностью к матери, сестре и вообще к женщинам. Говорить дурно о Вас да еще при Лейкине!

Впрочем, бог с Вами. Защищаться от сплетен – это все равно что просить у [...] взаймы: бесполезно. Думайте про меня как хотите.

У меня только одна вина. Вот она. Когда-то я получил от Вас письмо, в котором Вы делали мне запрос по поводу идеи какого-то нестоящего моего рассказа. Будучи тогда с Вами мало знаком и забыв, что Ваша фамилия по мужу – Авилова, я забросил Ваше письмо, а марку прикарманил – так я поступаю вообще со всеми запросами, а наипаче же с дамскими. Потом же в Петербурге, когда Вы намекнули мне насчет этого письма, мне вспомнилась Ваша подпись, и я почувствовал себя виноватым.

Живу я в деревне. Холодно. Бросаю снег в пруд и с удовольствием помышляю о своем решении – никогда не бывать в Петербурге.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно преданный и уважающий

А. Чехов.

29 апреля 1892 г., Мелихово

Уважаемая Лидия Алексеевна, отродясь я не писал стихов. Впрочем, раз только написал в альбом одной девочке

басню, но это было очень, очень давно²¹. Басня жива еще до сих пор, многие знают ее наизусть, но девочке уже 20 лет, и сам я, покорный общему закону, изображаю уже из себя старую литературную собаку, смотрящую на стихоплетство свысока и с зевотой. Вероятно, под моей вывеской пишет одноклассник или самозванец. Чеховых много.

Да, в деревне теперь хорошо. Не только хорошо, но даже изумительно. Весна настоящая, деревья распускаются, жарко. Поют соловьи, и кричат на разные голоса лягушки. У меня ни гроша, но я рассуждаю так: богат не тот, у кого много денег, а тот, кто имеет средства жить теперь в роскошной обстановке, какую дает ранняя весна. Вчера я был в Москве, но едва не задохнулся там от скуки и всяких напастей. Можете себе представить, одна знакомая моя, 42-летняя дама, узнала себя в двадцатилетней героине моей «Попрыгуньи» («Север», № 1 и 2), и меня вся Москва обвиняет в пасквиле. Главная улика – внешнее сходство: дама пишет красками, муж у нее доктор, и живет она с художником.

Кончаю повесть, очень скучную, так как в ней совершенно отсутствуют женщина и элемент любви²². Терпеть не могу таких повестей, написал же как-то нечаянно, по легкомыслию. Могу прислать Вам отиск, если буду знать Ваш адрес после июня.

Хочется написать и комедию, но мешает сахалинская ра-

²¹ Чехов написал басню в альбом Саши Киселевой в июне 1887 г.

²² «Палата № 6».

бота.

Желаю Вам всего хорошего; главное – будьте здоровы.

Да! Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление. Вот что я хотел сказать.

Искренно преданный А. Чехов.

18 марта 1897 г., Мелихово

Сердитая Лидия Алексеевна, мне очень хочется повидаться с Вами, очень – несмотря даже на то, что Вы сердитесь и желаете мне всего хорошего «во всяком случае». Я приеду в Москву до 26 марта, по всей вероятности в понедельник, в 10 часов вечера; остановлюсь в Большой московской гостинице, против Иверской. Быть может, приеду и раньше, если позволят дела, которых у меня – увы! – очень много. В Москве я пробуду до 28-го марта и затем, можете себе представить, поеду в Петербург.

Итак, до свиданья. Смените гнев на милость и согласитесь поужинать со мной или пообедать. Право, это будет хорошо. Теперь я не надую Вас ни в коем случае; задержать дома меня может только болезнь.

Жму Вам руку, низко кланяюсь.

Ваш А. Чехов.

Последняя фраза Вашего письма: «Я конечно поняла». Что Вы поняли?

22 марта 1897 г., Москва

Я приехал в Москву раньше, чем предполагал. Когда же мы увидимся? Погода туманная, промозглая, а я немного нездоров, буду стараться сидеть дома! Не найдете ли Вы возможным побывать у меня, не дожидаясь моего визита к Вам? Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

6 октября 1897 г., Ницца

Ваше письмо пошло из Лопасни в Биарриц, оттуда прислали мне его в Ниццу. Вот мой адрес: France, Nice, Pension Russe. Фамилия моя пишется так: Antoine Tchekhoff. Пожалуйста, напишите мне еще что-нибудь; и если напечатали что-нибудь свое, то пришлите. Кстати сообщите Ваш адрес. Это письмо посылаю через Потапенко.

Вы сетуете, что герои мои мрачны. Увы, не моя в том вина! У меня выходит это невольно, и когда я пишу, то мне не кажется, что я пишу мрачно; во всяком случае, работая, я всегда бываю в хорошем настроении. Замечено, что мрачные люди, меланхолики пишут всегда весело, а жизнерадостные своими писаниями нагоняют тоску. А я человек жизнерадостный; по крайней мере первые 30 лет своей жизни про-

жил, как говорится, в свое удовольствие.

Здоровье мое сносно по утрам и великолепно по вечерам. Ничего не делаю, не пишу, и не хочется писать. Ужасно обленился.

Будьте здоровы и счастливы. Жму Вам руку.

Ваш А. Чехов.

За границей проживу, вероятно, всю зиму.

10 июля 1898 г., Мелихово

Вы хотите только три слова, а я хочу написать их двадцать.

В Скопинском уезде я не был и едва ли поеду туда. Живу у себя дома, кое-что пописываю, – стало быть, занят. И много гостей, которые меня не пускают.

Здоровье мое недурно. За границу я едва ли поеду, так как у меня нет денег и взять их негде.

Теперь о Вас. Что Вы поделяваете? Что пишете? Я часто слышу о Вас так много хорошего, и мне грустно, что в одном из своих писем я критиковал Ваши рассказы («На изломе») и этой ненужной суровостью немножко опечалил Вас. Мы с Вами старые друзья; по крайней мере я хотел бы, чтобы это было так. Я хотел бы, чтобы Вы не относились преувеличенно строго к тому, что я иногда пишу Вам. Я человек не серьезный; как Вам известно, меня едва даже не забаллотировали в «Союзе писателей»²³ (и Вы сами положили

²³ Чехов был избран членом Союза взаимопомощи русских писателей и ученых

мне черный шар). Если мои письма бывают иногда суровы или холодны, то это от несерьезности, от неумения писать письма; прошу Вас снисходить и верить, что фраза, которою Вы закончили Ваше письмо: «если Вам хорошо, то Вы и ко мне будете добрее», – эта фраза строга не по заслугам. Итак, я хотел бы, чтобы Вы прислали мне что-нибудь Ваше – оттиск или просто в рукописи. Ваши рассказы я всегда читаю с большим удовольствием. Буду ждать.

Больше писать не о чем, но так как Вам во что бы то ни стало хочется видеть мою подпись с большим хвостом вниз, как у подвешенной крысы, и так как на той странице уже не осталось места для хвоста, то приходится так или иначе дотянуть до этой страницы. Будьте здоровы. Крепко жму Вам руку и от всей души благодарю за письмо.

Ваш А. Чехов.

Между 23 и 27 июля 1898 г., Мелихово

Гостей так много, что никак не могу собраться ответить на Ваше последнее письмо. Хочется написать подлиннее, а рука отнимается при мысли, что каждую минуту могут войти и помешать. И в самом деле, пока я пишу это слово «помешать», вошла девочка и доложила, что пришел больной.

на общем собрании 31 октября 1897 г. В дневнике А. С. Суворина имеется запись от 27 апреля 1898 г.: «... среди этого Союза оказалось несколько членов, которые говорили, что Чехова следовало забаллотировать за «Мужиков», где он будто представил мужиков не в том виде, как следует по радикальному принципу».

Надо идти.

Финансовый вопрос уже решен благополучно. Я вырезал из «Осколков» свои мелкие рассказы и продал их Сытину на десять лет. Затем, как оказывается, могу взять тысячу рублей в «Русской мысли», где, кстати сказать, мне сделали прибавку. Платили 250, а теперь 300.

Мне опротивело писать, и я не знаю, что делать. Я охотно бы занялся медициной, взял бы какое-нибудь место, но уже не хватает физической гибкости. Когда я теперь пишу или думаю о том, что нужно писать, то у меня такое отвращение, как будто я ем щи, из которых вынули таракана, – простите за сравнение. Противно мне не самое писание, а этот литературный *entourage*²⁴, от которого никуда не спрячешься и который носишь с собой всюду, как земля носит свою атмосферу.

Погода у нас чудесная, не хочется никуда уезжать. Надо писать для августовской «Русской мысли»; уже написал, надо кончать. Будьте здоровы и благополучны. Нет места для крысиного хвоста, пусть подпись будет куцей.

Ваш А. Чехов.

30 августа 1898 г., Мелихово

Я поеду в Крым, потом на Кавказ и, когда там станет холодно, поеду, вероятно, куда-нибудь за границу. Значит, в

²⁴ Окружение (франц.).

Петербург не попаду.

Уезжать мне ужасно не хочется. При одной мысли, что я должен уехать, у меня опускаются руки и нет охоты работать. Мне кажется, что если бы эту зиму я провел в Москве или в Петербурге и жил бы в хорошей, теплой квартире, то совсем бы выздоровел, а главное, работал бы так (т. е. писал бы), что, извините за выражение, чертям бы тошно стало.

Это скитальческое существование, да еще в зимнее время, – зима за границей отвратительна, – совсем выбило меня из колеи.

Вы неправильно судите о пчеле. Она сначала видит яркие, красивые цветы, а потом уже берет мед.

Что же касается всего прочего – равнодушия, скуки, того, что талантливые люди живут и любят только в мире своих образов и фантазий, – могу сказать одно: чужая душа потемки²⁵.

Погода сквернейшая. Холодно и сыро.

Крепко жму Вам руку. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

21 октября 1898 г., Ялта

Я прочел Ваше письмо и только руками развел. Если в своем последнем письме я пожелал Вам счастья и здоровья,

²⁵ Эти строки были вызваны письмом Л. А. Авиловой, которое она написала Чехову по прочтении рассказа «О любви».

то не потому, что хотел прекратить нашу переписку или, чего боже упаси, избегаю Вас, а просто потому, что в самом деле всегда хотел и хочу Вам счастья и здоровья. Это очень просто. И если Вы видите в моих письмах то, чего в них нет, то это потому, вероятно, что я не умею их писать.

Ваше письмо прислали мне из Лопасни в Ялту, оттого я и запаздываю ответом. Я теперь в Ялте, пробуду здесь еще долго и даже, быть может, останусь зимовать. Погода чудесная, совершенно летняя. Ваше невеселое, чисто северное письмо напомнило мне о Петербурге, я вспомнил Ваших петербургских критиков, мудрецов, говорящих в ответ на «Забытые письма»: ²⁶ «Покорно благодарю!», вспомнил туман, разговоры, вспомнил и поскорее пошел к морю, которое теперь очаровательно. Быть может, даже я поселюсь в Ялте. У меня в октябре умер отец, и после этого усадьба, в которой я жил, потеряла для меня всякую прелесть; мать и сестра тоже уже не захотят жить там, и придется теперь начинать новую жизнь. А так как мне запрещено зимовать на севере, то свивать себе новое гнездо, вероятно, придется на юге. Отец умер неожиданно, после тяжелой операции – и это на меня и на всю семью подействовало угнетающе, не могу опомниться.

Как бы ни было, не сердитесь на меня и простите, если в самом деле в моих последних письмах было что-нибудь жесткое или неприятное. Я не хотел огорчать Вас, и если мои письма иногда не удаются, то это не по моей вине, это про-

²⁶ Рассказ Л. А. Авилловой.

ТИВ ВОЛИ.

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего. Мой адрес: Ялта. Больше ничего не нужно. Только – Ялта.

Ваш А. Чехов.

5 февраля 1899 г., Ялта

Многоуважаемая Лидия Алексеевна, я к Вам с большой просьбой, чрезвычайно скучной, – не сердитесь, пожалуйста. Будьте добры, найдите какого-нибудь человека или благодетельную девицу и поручите переписать мои рассказы, напечатанные когда-то в «Петербургской газете». И также походите за мной, чтобы в редакции «Петербургской газеты» позволили отыскать мои рассказы и переписать, так как отыскивать и переписывать в Публичной библиотеке очень неудобно. Если почему-либо просьба эта моя не может быть исполнена, то, пожалуйста, пренебрегите, я в обиде не буду; если же просьба моя более или менее удобоисполнима, если у Вас есть переписчик, то напишите мне, и я тогда пришлю Вам список рассказов, которых не нужно переписывать. Точных дат у меня нет, я забыл даже, в каком году печатался в «Петербургской газете», но когда Вы напишете мне, что переписчик есть, я тотчас же обращусь к какому-нибудь петербургскому старожилу-библиографу, чтобы он потрудился снабдить Вас точными датами.

Умоляю Вас, простите, что я беспокою Вас, наскучаю

просьбой; мне ужасно совестно, но после долгих размышлений я решил, что больше мне не к кому обратиться с просьбой. Рассказы мне нужны; я должен вручить их Марксу на основании заключенного между нами договора, а что хуже всего – я должен опять читать их, редактировать и, как говорит Пушкин, «с отвращением читать жизнь мою»...²⁷

Как Вы поживаете? Что нового?

Мое здоровье порядочно, по-видимому; как-то среди зимы пошла кровь, но теперь опять ничего, все благополучно.

²⁷ Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.